

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПОЛЬШЕ ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. Богуславский

В цепи преступлений внешней политики английских, французских и американских реакционеров, поставивших своей целью направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза, важнейшим звеном была гнусная мюнхенская сделка, «которая ещё ранее была полностью согласована между основными участниками сговора против мира»¹. На растерзание фашистским агрессорам была отдана Чехословакия. В первых числах октября 1938 г. гитлеровцы заняли Судетскую область. Участвовавшая в разбойничьем гитлеровском походе против чехословацкой республики буржуазно-помещичья Польша одновременно оккупировала Тешинскую Силезию.

Правящая клика пилсудчиков, «санация»², шумно славословила «тешинскую победу». В действительности же «Мюнхен» и связанная с ним «тешинская победа» явились для Польши величайшим поражением. Польские империалисты сами помогли германскому фашизму захватить выгодные стратегические позиции для окружения, а затем и разгрома Польши. Вместе с тем, поддержав антисоветский мюнхенский сговор, они сознательно пошли на дальнейшее ухудшение отношений с Советским Союзом — единственной державой, которая стремилась к подлинному обузданию агрессии и готова была помочь польскому народу защитить его независимость.

Обладание Чешскими Судетами и англо-французская поддержка широко открыли гитлеровским полчищам ворота на Восток. Буржуазно-помещичья Польша, которая вела самоубийственную антисоветскую политику, должна была стать лёгкой добычей Гитлера. Польские правящие классы предавали национальные интересы польского народа в своих классовых интересах. В их распалённом «тешинской победой» воображении рисовались картины будущего победоносного похода совместно с Гитлером на Советскую страну, захвата новых украинских и белорусских земель. Антисоветский сговор между Гитлером, Муссолини, Чемберленом и Даладье казался правящим кругам Польши надёжной гарантией успешного осуществления их великодержавных планов.

Предательская, антинациональная внешняя политика польского фашизма вела страну к катастрофе. Польский народ всё более отчётливо осознавал это. Его сопротивление политике «дружбы» с гитлеровским «райхом», получившей своё оформление в польско-германском договоре 1934 г., возрастало. Однако в стране не было организованной политической силы, способной до конца разоблачить гибельность внешней политики «санации», показать нерасторжимую связь политики Рыдза — Бека с буржуазно-помещичьим строем Польши и повести массы на свержение этого строя. Единственная партия, которая всегда связывала воедино борьбу за национальную независимость и за социальное освобождение тру-

¹ «Фальсификаторы истории (историческая справка)», стр. 31. Огиз. Госполитиздат. 1948.

² «Санация» — «оздоровление» — прозвище правящего лагеря польских фашистов-пилсудчиков, пришедших к власти в 1926 г. под демагогическим лозунгом борьбы за «оздоровление» Польши.

дящихся классов, коммунистическая партия Польши, была временно распущена ещё до мюнхенских событий. Этот акт был продиктован необходимостью очистить КПП от проникшей в руководство партии вражеской агентуры.

Что касается Польской социалистической партии (ППС), то в её рядах «объединились правые социал-демократические элементы, родственные правому крылу II Интернационала, с буржуазно-националистическими элементами, представителями которых были Пилсудский и его единомышленники»³. Делами в ППС безраздельно заправляли махровые реакционеры, воинствующие националисты, многие из которых уже давно состояли на службе дефензивы (охранки)⁴. Они прилагали все усилия к тому, чтобы привить польскому пролетариату буржуазную идеологию классового сотрудничества, национального единения по фашистскому образцу. Этой внутривластной установкой соответствовали внешнеполитический курс ППС на поддержку «своей» империалистической буржуазии и беспредельная ненависть к соседнему советскому социалистическому государству.

Имевшиеся в ППС левые элементы (Дюбуа, Барлицкий и др.), которые боролись с буржуазно-националистической политикой правых, были в политическом отношении незрелыми и непоследовательными, а в организационном отношении — неоформленными. Печатные издания, вокруг которых группировалась левизна, к 1938 г. были разгромлены и закрыты властями; руководящие органы ППС были полностью в руках правых. Поэтому хотя левые элементы были выразителями недовольства большей части рабочих — членов ППС соглашательской и предательской политикой руководства партии, они ни в коей мере не определяли официальную политику партии.

Кулацко-националистическое руководство Стронництва людowego, стоявшее в вопросах внутренней политики на позициях соглашения с «санацией», поддерживало антисоветскую, империалистическую внешнюю политику пилсудчиков.

Правые социалисты, кулацкие верхи крестьянской партии, а также большинство псевдоопозиционной по отношению к режиму «санации» польской христианско-демократической партии (Стронництво працы) усердно выполняли роль агентов буржуазии и помещиков среди трудящихся масс города и деревни. Эти так называемые «левые» партии помогли польскому фашизму привести страну к национальной катастрофе 1939 года.

Летом 1938 г., в дни наступления фашистских агрессоров на Чехословакию, польско-германская «дружба», казалось, достигла своего расцвета. Правящие круги Польши старательно не замечали грубых насилий, чинимых гитлеровцами над поляками в «вольном городе» Данциге и в Германии, всё более вызывающего поведения нацистов в самой Польше⁵. Небо польско-германской «дружбы» никогда не было безоблачным, но нависшие над ним новые зловещие тучи не помешали польским империалистам в первые недели после мюнхенских событий упиваться «тешинской победой».

Польское правительство предъявило Чехословакии новый счёт. Стало известно, что оно дополнительно требует от Чехословакии более пяти

³ Из доклада Б. Берута на объединительном съезде рабочих партий Польши. «Правда» от 17 декабря 1948 года.

⁴ См. материалы варшавского судебного процесса 1948 г. над бывшим генеральным секретарём ППС Казимиром Пужаком и его соратниками по контрреволюционному подполью («Głos Ludu» от 6—11 ноября 1948 г.).

⁵ В Польше проживало около миллиона немцев, подавляющее большинство которых было охвачено влиянием гитлеровского фашизма.

уездов. Кроме того польское правительство ультимативно предлагало Чехословакии отдать венграм Карпатскую Украину. Таким путём польские империалисты хотели установить общую границу с Венгрией, что, по их мнению, должно было усилить международное положение Польши и укрепить её стратегические позиции для нападения на СССР.

Правые социалисты и кулацкие верхи Стронництва людowego, оказавшие «санации» активнейшую и неоценимую поддержку в деле захвата Тешинской Силезии, полностью поддерживали новые империалистические претензии польского фашизма к Чехословакии⁶.

Великодержавные, захватнические планы польских правящих кругов требовали укрепления фашистского режима пилсудчины, расширения его социальной базы. До сих пор многолетние старания польского фашизма создать свою массовую партию заканчивались постыдными неудачами. Рассчитывая использовать шовинистический угар в связи с «тешинской победой», «санация» предприняла осенью 1938 г. очередной манёвр с целью заполучить поддержку масс. Накануне мюнхенских событий был распущен так называемый «парламент» — польский фашистский сейм. На 6 ноября были назначены выборы в новый сейм. Предвыборная кампания велась под откровенными лозунгами новых захватов. «Хочешь, чтобы Польша была рулевым средневропейской политики и собрала вокруг себя другие братские нации, — голосуй солидарно и смело 6 ноября 1938 года», — говорилось в одной из провинциальных озоновских листовок. Весь мир, говорилось в другой листовке, следит за нашими выборами, чтобы увидеть, «имеет ли это правительство поддержку польской нации или нет. Мы выиграли спор с Литвой, мы выиграли спор с чехами, боремся за общую границу с Венгрией... боремся за получение колоний для Польши... В этих великих замыслах нас должна поддержать вся нация»⁷.

Так называемые «оппозиционные» партии и организации условием своего участия в выборах ставили изменение избирательного закона, которое дало бы им возможность беспрепятственно выставлять кандидатов. «Санация» слишком хорошо знала о всенародной ненависти к режиму, чтобы согласиться на это условие. Однако бойкот выборов, объявленный крупнейшими «оппозиционными» партиями, также грозил правительству политическим провалом.

Пилсудчики полагали, что их успеху на выборах содействовало бы достижение какой-либо новой внешнеполитической «победы». Это сообщение, несомненно, играло не последнюю роль в визите, с которым польское правительство направило своего берлинского посла Липского к Риббентропу 24 октября 1938 года.

Липский явился к германскому министру иностранных дел, чтобы по всей форме выразить желание Польши иметь общую границу с Венгрией. Он заверял Риббентропа, что «совместная польско-венгерская граница имеет большое значение как барьер против Востока» и потому соответствует германским интересам⁸. Риббентроп, великолепно знавший о цели визита Липского, отвечал, что «для него эти идеи несколько новы» и он хочет над ними подумать, а затем выложил гостю германские претензии. Берлин требовал согласия фашистского правительства Польши на присоединение Данцига к Германии и предоставление последней права постройки экстерриториальной автостреды и многоколейной железной дороги через Польский коридор. В «обмен» Германия

⁶ См. например, статью одного из лидеров ППС, Недзялковского, в «Nowy Głos Pizemyski» от 9 октября 1938 г. или установку органа СЛ «Zielony Sztandar» в номере газеты от 5 февраля 1939 года.

⁷ Львовский облархив (ЛОА), ф. 117, д. «Сеймовые выборы 1938 г.». «Обуз зъедночєня народового» (ОЗОН) — организация, созданная правительством для привлечения на свою сторону масс.

⁸ «100 Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges». «Auswärtiges Amt», № 2, S. 124. Berlin. 1939.

предлагала предоставить Польше право пользоваться Данцигским портом и торговать в Данцигской области, дать «гарантии» польских границ и продлить на срок до 25 лет договор 1934 г. о ненападении.

Однако за несколько дней перед сеймовыми выборами Гитлер преподнёс Варшаве новую горькую пилюлю — так называемый венский арбитраж Чиано и Риббентропа от 2 ноября. Будапешт и Варшава, скрепя сердце, вынуждены были согласиться на оставление в составе Чехословакии автономной «Подкарпатской Руси» (Карпатская Украина). Новое «автономное государство» представляло собой узкую полосу земли, поставленную в особые условия в первую очередь для того, чтобы отделить Польшу от Венгрии. Вместе с тем Гитлер продолжал использовать для нажима на Польшу «украинскую» карту. Чтобы не обострить ещё больше отношения с Берлином, «санация» попустительствовала деятельности немецкой агентуры в Польше — украинским буржуазным националистам.

Не только инспирируемые ОУН⁹ украинские газеты в Польше, но и газеты официального руководства УНДО¹⁰, только что за несколько мандатов в польский «парламент» продавшего «санации» свою поддержку на выборах, торжественно печатали манифесты гитлеровской маорионетки, «премьера» Закарпатской Украины ксёндза Волошина. На собрании 400 членов УНДО в Лесновицах 30 октября местные националисты пожелали прибывшему на собрание лидеру УНДО Мудрому стать в будущем «генлейном» и «таким, как ксёндз Волошин в Закарпатской Украине»¹¹.

Попытки «санации» приурочить к выборам новые внешнеполитические «успехи» закончились, таким образом, полной неудачей. Тем больше стараний вложила она в «технику» подготовки и проведения выборов. Для пропагандистской и всякого рода «специальной» организационной работы в связи с выборами правительство выделило в распоряжение министерства внутренних дел тайный денежный фонд¹².

«Выборы в сейм 6 ноября 1938 г. проходили в обстановке жесточайшего террора. Сотни людей были арестованы по обвинению в агитации за бойкот выборов. Запугиванием и прямой фальсификацией результатов выборов, особенно в глухих сельских районах, власти добились 67% «участия» избирателей в голосовании. В Варшаве голосовало 53,3% избирателей. В Верхней Силезии 31% поданных голосов был объявлен «недействительным»¹³. В результате «санация» заполучила ещё более послушный «парламент», чем раньше. Она подняла невообразимый шум о «победе» ОЗОН, доказывающей якобы, что существующий в Польше режим поддерживается польским народом. С новой силой зазвучали угрозы разогнать другие партии, если они не откажутся от «оппозиционного анархизма». Однако пилсудчики понимали, что никто ни в Польше, ни за рубежом не придаёт большой цены состоявшимся «выборам» в сейм.

Известной пробой политических сил в стране должны были стать приближавшиеся муниципальные и общинные выборы, на которых неправительственные партии имели возможность выставить своих кандидатов и собирались соревноваться с пилсудчиками.

⁹ Объединение украинских националистов — подпольная организация украинских гитлеровцев в Польше.

¹⁰ Украинское национально-демократическое объединение — основная партия украинской буржуазии и кулачества в Западной Украине.

¹¹ Донесение старосты Львовского уезда воеводству от 2 ноября 1938 г. (ЛОА, ф. 117, д. «Сеймовые выборы 1938 г.»).

¹² О том, для каких грязных средств и целей служил этот фонд, даёт некоторое представление изданное позднее категорическое распоряжение министерства местным органам власти уничтожить даже малейшие указания на то, что этот фонд существовал. (См. письмо львовского воеводы уездным старостам от 23 апреля 1939 года. ЛОА, ф. 117, д. «Сеймовые выборы 1938 г.»).

¹³ «Правда» от 10 ноября 1938 года.

Чтобы избежать поражения на муниципальных выборах и тем самым продемонстрировать Берлину «прочность» своего режима, пилсудчики решили пойти на чрезвычайные меры. 22 ноября президент Мосьницкий подписал ряд чрезвычайных декретов, которые в том же месяце вступили в силу.

Новый закон о печати угрожал редакторам и издателям огромными штрафами и тюрьмой не только за «распространение панических сведений», но и за опубликование «верных, но вредных для государства сообщений». Закон «об охране государства» предусматривал тюремное заключение до двух лет и штрафы за распространение сведений, могущих «ослабить оборонный дух общества или же снизить авторитет главных органов государства». Закон грозил также суровым наказанием за пропаганду забастовок и сопротивление поставкам сельскохозяйственных продуктов в города (т. е. за крестьянские стачки), за слушание передач иностранных (читай: советских) радиостанций и т. д. Декрет о роспуске «масонских организаций» был составлен нарочито в таких расплывчатых выражениях, что мог быть использован властями для запрещения любой оппозиционной организации. Наконец, декрет «об изменениях судебной процедуры» значительно расширял полномочия полиции и судебных органов¹⁴.

Это был новый шаг по пути окончательной фашизации Польши. Было ясно, что декреты президента угрожают деятельности «левых» партий. Однако соглашатели остались верны себе. ЦИК ППС и руководство пепеэсовских профсоюзов ограничились лживым обещанием провести «акцию» против декретов¹⁵. Это решение, как и другие подобные обещания лидеров ППС, осталось фразой, единственным назначением которой было успокоить возмущение рабочих и помешать рабочему классу дать отпор наступлению польского фашизма на элементарные гражданские права. Руководство «левых» партий сеяло среди трудящихся масс польского народа иллюзии, будто предстоящие на местах выборы могут привести к изменению режима. Среди людовцев ходили слухи, распускавшиеся лидерами крестьянской партии, что уже в декабре, после первого тура выборов, режим изменится¹⁶.

Между тем польская буржуазия не замедлила использовать чрезвычайные декреты Мосьницкого для широкого наступления на трудящихся. Предприниматели повсеместно расторгали коллективные договоры и ставили условием заключения новых снижение заработной платы рабочим и служащим. Одновременно из предприятий изгонялись профсоюзные активисты и другие политически «неблагонадёжные» рабочие.

Поход заводчиков и фабрикантов на «классовые» профсоюзы непосредственно возглавило министерство внутренних дел. По его предписанию¹⁷, воеводы всячески добивались объединения профсоюзов, находившихся под влиянием пилсудчиков, с христианско-демократическими в единый клерикально-штрейкбрехерский фронт против профсоюзов, стоявших на почве признания классовой борьбы. (Для пепеэсовского руководства последних, возглавляемого матёрыми предателями польского рабочего класса, сотрудниками охраны Квапинским и Жулавским, это признание было, разумеется, только демагогическим средством обмана рабочих.)

¹⁴ Тексты декретов см. в «Robotnik» от 23 и 25 ноября 1938 года.

¹⁵ «Robotnik» от 2 декабря 1938 года.

¹⁶ Донесение Белостокского воеводства за ноябрь 1938 года. Станиславский обл. архив (СОА), ф. 2, д. SPP-22(тй) 38, л. 72.

¹⁷ См. циркуляр министерства внутренних дел воеводствам от 8 февраля 1938 года. СОА, д. 2, SPP-13(тй) 38, л. 72.

Однако, несмотря на все притеснения, основная часть польского рабочего класса всё же предпочитала «классовые» профсоюзы правительственным и клерикальным профорганизациям. Рабочие отвечали на расторжение коллективных договоров и увольнение своих товарищей стачками. В декабре 1938 г. общую стачку такого рода проводили 1500 служащих нефтепромыслов Юго-восточной Польши, 3 тысячи рабочих фабрики Познанских в Лодзи, рабочие варшавского водопровода, газа и канализации. По всей стране имели место сотни более мелких столкновений. Рабочий класс Польши, возглавляемый коммунистами, отвечал на наступление капитала волной забастовок. Стачки рабочих охватили в 1938 г. 9461 предприятие с 269 тыс. рабочих. Подавляющее большинство выступлений рабочего класса в защиту его жизненных интересов завершилось победой. Следует также подчеркнуть, что из общего количества 1457 забастовок в 1938 г., даже по правительственным данным, 111 составляли политические забастовки, забастовки протеста и солидарности, которые охватили 93 тыс. рабочих, т. е. больше чем одну треть всех бастовавших в этом году.

В этой обстановке 18 декабря состоялись выборы самоуправлений в 57 городах Польши, в том числе в крупнейших центрах страны. В выборах участвовало, по официальным данным, 50% избирателей. 58% всех мандатов получили партии, которые бойкотировали ноябрьские выборы в сейм. В Варшаве ОЗОН завоевал 30 мандатов, ППС — 27, Бунд — 16, народовцы¹⁸ — 15. В Лодзи ППС и Бунд вместе получили абсолютное большинство, обеспечивавшее выбор кандидата ППС президентом города. В Кракове ППС получила 24 мандата, завоевав за счёт правительственного лагеря 13 новых мандатов; «католический блок» (ОЗОН и Стронництво працы) получил 22, народовцы — 12, Бунд — 2 мандата. В Бориславе из 40 мандатов ППС получила 20, а ОЗОН — 3. Значительную победу одержала ППС в Домбровском бассейне и других рабочих центрах¹⁹. Народовцы получили большинство в Познани, Поморье и Львове.

Межпартийные избирательные блоки ясно показали подлинную классовую природу партий. Выступление Стронництва працы (в Кракове и Ясло) в общем списке с ОЗОН под официальным руководством архиепископа Сапеги обнаружило единение «христианской демократии» с лагерем реакции. В Западной Украине и Западной Белоруссии все польские партии, включая Стронництво людове и ППС, выступали единым националистическим фронтом против украинцев и белоруссов. В результате объединения колонизаторов и террористической политики польской администрации во львовский и станиславский муниципалитеты не прошёл ни один украинец²⁰. С другой стороны, присоединение так называемых украинских социал-радикалов и социал-демократов к единым с УНДО и украинскими гитлеровцами «украинским» спискам показало националистическую, предательскую физиономию украинских «социалистов». Выступление в ряде городов (Замостье, Островец, Ковель, Липно и др.) пилсудчиков и народовцев единым списком против «левых» партий наглядно показало всю фальшь «непримиримой» оппозиции режиму, которую изображало Стронництво народове.

Самым важным итогом декабрьских выборов было поражение

¹⁸ Народовцы (Стронництво народове, или эндеки) — вторая партия польского фашизма, конкурировавшая с правящей партией пилсудчиков и сотрудничавшая с ней в борьбе против рабочего демократического движения в Польше.

¹⁹ «Robotnik» от 20 и 23 декабря 1938 года; «Правда» от 22 декабря 1938 года. Эта картина соотношения политических сил в общем была подтверждена последующими турами выборов, тянувшихся до июня 1939 года. 20 февраля 1939 г. подводя избирательные итоги по 20 крупнейшим городам страны, «Robotnik» считал, что ОЗОН собрал в них 27,5% мандатов. Сами озоновцы признавали к концу выборов, что собирали по всей стране только 33,8% мандатов («Robotnik» от 27 мая 1939 года).

²⁰ «Wies i państwo» № 7 за июль 1939 г., стр. 550.

ОЗОН в городах и в деревнях²¹. Оно разоблало дутый характер «успеха» пилсудчиков на ноябрьских сеймовых выборах.

Отдавая свои голоса рядившимся в тогу «левых» ППС и Стронництву людовому, рабочие и трудящиеся крестьяне выражали этим свой протест против фашистского режима и его внешней политики, своё согласие с теми радикальными требованиями и призывами к борьбе, которые значились в программах и декларациях ППС и Стронництва людового. Именно в этом состояло ограниченное значение результатов выборов, которое несколько не изменялось тем обстоятельством, что предательское правое руководство ППС и Стронництва людового лишь обманывало трудящихся декларациями о своём стремлении создать «народную Польшу». Наиболее важное значение, однако, имело наличие колоссального числа (половины!) избирателей, которые бойкотировали выборы, демонстрируя тем самым своё отрицательное и враждебное отношение не только к «санации», но и к так называемым оппозиционным партиям. Правящие классы Польши находились под постоянным страхом, что влияние реакционных лидеров «левых» партий окажется недостаточным, чтобы сохранить повиновение рабочих и крестьян властям.

В создавшейся обстановке «санация» не могла пойти на уступки требованиям Гитлера в вопросе о Данциге и Польском коридоре. К тому же правящие польские круги были полны уверенности, что Гитлер только шантажирует их. Правящая клика твердила, что разговоры с германской угрозой для Польши — это пустые «страхи на ляхи», и тешила себя надеждами, что Гитлер будет наступать с одобрения Лондона и Парижа на СССР, но не на Польшу²². Если ухудшение отношений с Берлином и внушало польским империалистам тревогу, то её источником меньше всего была забота о безопасности государства. В основе этой тревоги лежала боязнь быть обойдёнными или обделёнными в будущем дележе добычи фашистских агрессоров.

Взбешенные вырисовывающимся провалом политики Бека, которая была также и их политикой, лидеры Стронництва народного с небывалой откровенностью выбалтывали свои внешнеполитические расчёты и просчёты. «До сих пор я полагаю, — писал ведущий обозреватель эндецкого журнала «Merkurjusz Polski» (№ 1 за 1939 г.) Браун, — что всё происходящее «как-то согласовано с Берлином» и будет чем-то «серьёзно компенсировано» Польше. Я полагал, что немцы «рвутся к Украине» и раз наше правительство этому «не противодействует, — значит находится в соглашении с немцами... Я, — продолжал автор, — признавал логику здравого рассудка в таком ходе дела». Больше того: если бы немцы «начали с создания Украины на Днестре, то Польша могла бы пойти вместе с ними против Советов. Но немцы насильно (!) выталкивают нас из антисоветского фронта, ибо начинают свой украинский крестовый поход с атаки не на Россию, а на Польшу. Теперь ясно, что никакого соглашения между нами нет», — заключал автор, изливая далее своё негодование по этому поводу.

Один из идейных вдохновителей польской реакции, ярый поборник польско-германской «дружбы», редактор фашистского органа виленских земельных магнатов Мацкевич, заявлял в новогодней статье, что Бек вышел из «немецкого трамвая» «чересчур рано или чересчур поздно»²³, недвусмысленно давая тем самым понять, что, по его мнению, ни в коем случае нельзя рвать с прогитлеровским курсом внешней политики. С ненавистью говорили помещики о происходивших торговых переговорах между Польшей и СССР, рассматривая их как поражение Польши.

²¹ В декабре начались общинные (сельские) выборы в Варшавском и Келецком воеводствах, где 70% мандатов получили лядовцы («Zielony Sztandar» от 1 января 1939 г.).

²² См. новогодний обзор в «Gazeta Polska» от 31 декабря 1938 и 1 января 1939 года.

²³ «Słowo» от 1 января 1939 года.

Правительство было всецело поглощено заботой о том, чтобы восстановить свой политический кредит в лагере реакции, доказать, что Бек всё ещё «едет» «немецким трамваем» и сумеет найти общий язык с Гитлером. 5 января 1939 г. польский министр иностранных дел был принят в Берхтесгаде. Он употребил всё своё красноречие, чтобы умиловить Гитлера.

Полковник Бек, как гласит немецкая запись этой беседы, начал с напоминания об эффективности германо-польского сотрудничества в дни «Мюнхена». В этой связи он просил «приложить обоюдные старания, чтобы устранить с пути некоторые трудности, которые проявились за последнее время». «Нужно учесть общественное мнение в Польше» по вопросу о Данциге, объяснял Бек фюреру, подчёркивая при этом, что речь идёт не о «Kaffeehausopposition», т. е. не о фальшивой, показной и бессильной «оппозиции» мелкобуржуазных «трактирных политиков» и политиканов, а о «действительном мнении народа», которое именно и создаёт «трудности в разрешении данцигского вопроса»²⁴. Отсюда видно, между прочим, что лично Бек и его соратники готовы были с самого начала капитулировать перед Гитлером и даже не считали нужным скрывать это от немцев. Но Гитлер, повторив антисоветские посулы, которыми гитлеровская клика давно соблазняла мечавших об украинских землях польских авантюристов, настаивал на безотлагательной необходимости удовлетворить требования германских «союзников» и «друзей» Польши. В ответ Бек указал, что «не видит никакого эквивалента во внушениях канцлера». Иначе говоря, Бек торговался... Но ему не удалось добиться от Гитлера никаких послаблений в германских требованиях.

Польский народ ещё не знал о германских претензиях и о том, как предатель Бек торгует страной. «Санация» сделала всё возможное, чтобы представить берхтесгаденскую встречу как успех своей внешней политики. В доказательство сообщалось, что Варшаву собирается посетить Риббентроп. Польские империалисты воспряли духом: они требовали, чтобы правительство больше «не затягивало» окончательный сговор с Берлином. Их захватнические, антисоветские вожеления были видны хотя бы из февральского выступления депутата Дудзинского в сейме по украинскому вопросу. Обращаясь к представителям УНДО, сей ротмистр говорил: «Если речь идёт о Львове (т. е. об автономии для Западной Украины.— М. Б.), то мы против вас; если о Киеве, то с вами и для вас». Дудзинский призывал в своей речи к такому «преобразованию» России, чтобы «вынудить её в будущем к созданию вместе с Польшей и Украиной Соединённых Штатов славянства под духовным водительством Польши»²⁵.

Приехавший в конце января в Варшаву Риббентроп не привёз с собой согласия Гитлера на ликвидацию «Подкарпатской Руси». Зато он настоятельно уговаривал польских империалистов согласиться на присоединение Данцига к Германии и на проведение германских путей через Коридор. Он призывал польское правительство подойти к этому вопросу «с точки зрения столетий» и «большой политики»²⁶. Описывая свою бе-

²⁴ «100 Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges», S. 127—128.

²⁵ «АБС» (реакционнейшая газета, орган правого крыла эндеков) от 27 февраля 1939 года. Ротмистр Юлиус Дудзинский — фигура, весьма характерная и заметная в сейме. Участник войны 1920 г., гордившийся тем, что он одним из первых польских оккупантов вступал в Киев, Дудзинский числился в сейме «независимым». Фактически он представлял правое крыло лагеря пилсудчиков, в котором главную роль играли «полковники» во главе со Славекон, и народовцев, голосами которых он был избран в сейм от западных земель (поместье Дудзинского находилось под Быдгощем). Помешик и легионер, Дудзинский как бы олицетворял социальную и политическую природу самой империалистической части господствующих классов Польши, а также родство и прогрессирующее сближение двух партий польского фашизма.

²⁶ «Polska Biała Księga» (цит. по «Odrodzenie» № 25 от 23 июня 1946 года).

седу с Беком, Риббентроп отмечал, что «Бек выглядел убеждённым» его доводами, «но снова ссылаясь на то, что внутриполитическое сопротивление требует выждать»²⁷.

Коммюнике о беседах Бека с Риббентропом²⁸ было составлено в выражениях, восхвалявших плоды пятилетнего «сотрудничества» между Польшей и «Империей» и обещавших «исследование и разрешение» имеющихся между сторонами споров «в духе уважения к интересам обеих стран». Но это коммюнике обмануло только тех, кто хотел быть обманутым. В его казённо оптимистических строках сквозила дипломатическая неудача Бека.

В дни, когда правившие Польшей авантюристы старались во что бы то ни стало сохранить «дружбу» с Гитлером, из Москвы прозвучал голос, который должен был отрезвить польских политиков, если бы они не были злейшими врагами своего народа. 10 марта 1939 г. И. В. Сталин выступил на XVIII съезде ВКП(б) с имевшим всемирноисторическое значение отчётным докладом ЦК ВКП(б). Для Польши в этом докладе было немало чрезвычайно полезных истин. Разоблачение подлинного содержания игры западных держав в «невмешательство» и лживости «антикоминтерновской» вывески блока агрессоров было сделано товарищем Сталиным настолько метко и неопровержимо, что даже изолавшаяся продажная польская печать, в том числе и фашистская, во главе с правительственным официозом вынуждена была сопроводить краткое изложение этой части сталинского доклада меланхолическими замечаниями о том, что она соответствует фактам. Тем более характерным было то обстоятельство, что одной из немногих польских газет, решившихся выступить в защиту мюнхенцев, был орган ППС. Не будучи в силах противопоставить какие-либо аргументы сталинскому анализу политики «невмешательства», член ЦИК ППС Чапинский, набивший руку на антисоветских статьях, выступил с очередной клеветой. Он сообщил читателям, что советский вождь «напал» на Англию и Францию. «Заступаясь» за мюнхенскую политику Чемберлена — Даладье, Чапинский уверял читателей, что у Англии и Франции нет намерения вызвать войну между СССР и «Третьей империей»²⁹.

Орган ППС, равно как и другие польские газеты, не привёл из сталинского выступления тех слов, которые имели самое непосредственное отношение к Польше: «Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства»³⁰.

В свете всей истории советско-польских отношений и международной ситуации весны 1939 г. невозможно переоценить значение сталинских слов именно для Польши. На протяжении двух десятилетий советское правительство настойчиво и неизменно добивалось установления добрососедских отношений с Польшей. Оно ещё умножило свои усилия в этом направлении, когда над Европой встала, бряцаая оружием, гитлеровская Германия. Советское правительство различными путями предлагало польскому правительству установить тесное сотрудничество для совместной защиты от германской агрессии, которая раньше всего грозила Польше. Правители Польши не могли не видеть, с каким упорством, последовательностью и верностью своим обязательствам Советский Союз борется за мир. Они знали и видели, что только Советский Союз активно выступал

²⁷ «100 Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges», S. 61.

²⁸ См. «Gazeta Polska» от 28 января 1939 года.

²⁹ «Robotnik» от 16 марта 1939 года.

³⁰ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 574, изд. 11-е.

в защиту независимости и целостности Чехословакии и готов был оказать ей военную помощь, хотя дело касалось страны, непосредственно не граничившей с СССР.

Советское правительство неоднократно делало серьёзные предостережения польскому правительству, чтобы удержать последнее от вступления на путь агрессии и войны. Спесивые ответы правителей Польши на эти предостережения, нескрывая враждебная политика «санации» по отношению к Советской стране ни на йоту не изменили внешнеполитического курса подлинно миролюбивого рабоче-крестьянского правительства СССР. Когда в ноябре 1938 г. польский посол в Москве Гржибовский от имени своего правительства предложил советскому правительству вступить в переговоры о расширении торговых отношений и ликвидации пограничных инцидентов, советское правительство немедленно и охотно откликнулось на это предложение³¹, хотя ни для кого не было секретом, что жест Варшавы рассчитан на то, чтобы произвести впечатление в Берлине и ослабить нажим Гитлера на Польшу. Польское правительство не торопилось в переговорах с СССР: оно всё ещё надеялось, что «взаимопонимание» с Гитлером будет налажено.

Только под давлением общественного мнения польского народа и в связи с тем, что польско-германские отношения всё ухудшались, правительство Складковского — Бека довело торговые переговоры с Москвой до положительного результата³². Советская сторона приветствовала соглашение, полагая, что последнее может послужить делу улучшения польско-советских отношений и укрепить позиции Польши против гитлеровской Германии.

Заявление И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) о стремлении советского правительства установить близкие, дружеские отношения с соседними странами не только имело прямое отношение к Польше: оно было новым значительным актом в многолетней последовательной советской политике, направленной к установлению мира и подлинной дружбы в советско-польских отношениях. Этим заявлением советское правительство как бы протянуло дружескую руку Польше, которую её правители своей преступной, антинародной и антинациональной внешней политикой поставили под гитлеровский топор.

Через день после выступления И. В. Сталина Бек произнёс в сенатской комиссии большую речь, которую нужно расценить как ответ польского правительства на выступление вождя советского народа. Бек подчеркнул колониальные притязания Польши, затем повторил требование, чтобы Чехословакия до конца удовлетворила польские и венгерские территориальные претензии, а также пошла навстречу сепаратистским стремлениям словацких фашистов, и, наконец, выразил надежду, что «проблема Данцига» будет разрешена для Польши удовлетворительно³³. Это означало, что, несмотря на разбойничьи требования, предъявленные Гитлером Польше, и несмотря на подчёркнутое стремление СССР к установлению с ней дружеских отношений, правители Польши твёрдо намерены продолжать прежнюю, антисоветскую, прогитлеровскую внешнюю политику. Речь Бека обнаружила, что санационная клика упорно игнорирует тот факт, что Польша — уже не столько субъект, сколько объект в игре, затеянной крупными империалистическими державами. Последнее стало очевидным для всех через 3 — 4 дня после речи Бека.

Поступившее в ночь на 15 марта из Праги сообщение о вступлении германских войск в Чехословакию было полной неожиданностью для Варшавы. 16—17 марта картина стала совершенно ясна. Чехию и Моравию Гитлер объявил германским протекторатом. Опереточный характер

³¹ См. «Известия» от 27 ноября 1938 года.

³² Там же, от 20 февраля 1939 года.

³³ «Gazeta Polska» от 13 марта 1939 года.

«независимости» Словакии был очевиден для всех. Польша была с трёх сторон окружена германскими войсками. Но даже перед лицом этих зловещих фактов пропаганда пилсудчиков пыталась изобразить как успех своей политики ликвидацию карпатоукраинского «государства», которое Гитлер отдал венграм: эта подачка окончательно закрепляла господство Берлина над Венгрией.

Пилсудчики напускной самоуверенностью пытались ещё прикрыть крах своих внешнеполитических расчётов, но Гитлер оставил им для этого кривляния считанные часы. 21 марта польскому послу в Берлине были официально предъявлены германские захватнические требования о передаче Данцига и части Коридора. 22 марта по ультимативному требованию Гитлера Литва отдала Германии Клайпеду (в тот же день Варшава была свидетельницей двухтысячной демонстрации протеста против гитлеровской агрессии. Демонстранты, преимущественно рабочая молодёжь, выдвинули на митинге лозунги защиты целостности и независимости Польши). 23 марта на Польшу обрушился новый удар: правящая клика Румынии подписала с немцами экономический договор, условия которого не оставляли сомнений в том, что Бухарест отныне отдаёт свою судьбу в руки Германии.

Эти события положили конец болтовне «санации» об «успехах» внешней политики полковника Бека. 23 марта в Варшаве проводился первый день противовоздушной обороны с тревогами и учениями. 27 марта президент подписал закон о дополнительном ассигновании 1,2 млрд. злотых на вооружение, в связи с чем объявлялся выпуск нового внутреннего займа. Сообщалось об увеличении численности польской армии.

Однако демонстративные мероприятия «санации» так же, как и «тревога», которую начали разыгрывать некоторые буржуазно-помещичьи круги Польши, носили чисто показной и вынужденный характер. Они отнюдь не означали изменения внешнеполитического курса правящих классов страны. За показными мерами, вызванными необходимостью успокоить охваченные тревогой народные массы, скрывалось стремление польского фашизма во что бы то ни стало спасти «дружбу» с Гитлером. Правители Польши, и в частности Бек, попрежнему твердили, что Гитлер не пойдёт на войну с Польшей, которая встёт к соучастию в антисоветском походе. Они полагали, что помощь Польши будет нацистам совершенно необходима для войны с Советским Союзом. Гитлер охотно поддерживал это представление в умах польских империалистов, поскольку оно благоприятствовало его игре.

21 марта, вручая Липскому германские требования, Риббентроп внушал польскому послу, что Гитлер стремится к сохранению «дружбы» с Польшей и удовлетворение этих требований ускорит поход на СССР³⁴. На Липского, достойного соратника Бека, именно последний намёк Риббентропа произвёл наибольшее впечатление. В тот же день Липский сообщал Беку: «Предложение провести новую беседу, срок которой Риббентроп хочет ускорить, доказывает, что Германия решилась на скорую реализацию своей восточной программы и поэтому хотела бы точно знать позицию польского правительства»³⁵.

Получив это сообщение, Бек послал Липскому инструкцию, в которой разрешал идти при переговорах с германским правительством на любые уступки, кроме затрагивающих «суверенитет» Польши³⁶. А что понимали санационная клика и правящие классы Польши под «суверенитетом»?

Выражая общую для правящих польских кругов точку зрения, эндеко-фашисты заявляли, что следует отвергнуть германские притязания,

³⁴ «100 Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges», S. 84—87.

³⁵ «Polzka Biafa Księga». «Odrodzenie» № 25 от 23 июня 1946 года.

³⁶ Там же.

«ибо сегодня никто не поверит, чтобы это были «последние», «окончательные требования»³⁷. Иначе говоря, польские империалисты готовы были поступиться Данцигом и Коридором в обмен на соответствующий «эквивалент», о котором говорил Бек в Берхтесгадене. Под «эквивалентом» польские империалисты подразумевали захват при помощи Гитлера новых украинских, белорусских и прибалтийских земель, балтийских и черноморских портов. Правящие классы Польши готовы были довольствоваться пока даже одним обещанием «эквивалента», но при условии, чтобы это обещание стало более конкретным, а главное, «окончательным». Это обещание польским фашистам нужно было, на худой конец, для «оправдания» перед польской общественностью той капитуляции, которую они подготавливали. Как показали последующие события, польские правящие классы и разномасштабные социал-фашистские политики были готовы идти на всё. Бек вёл чудовищно преступную, азартную игру судьбой Польши. Но на пути к сделке с германским фашизмом стояли передовые круги польского народа.

Польские коммунисты вдохновляли и организовывали рабочих и широкие массы польского народа на борьбу против надвигающейся опасности гитлеровской агрессии, против проводимой правительством пилсудчиков политики национальной измены; они призывали к сближению Польши с СССР и к созданию под руководством Советского Союза антигитлеровского фронта в Европе, звали на борьбу за свержение правительства фашистской «санации», за власть рабочих и крестьян. Именно коммунисты были передовыми борцами за национальные интересы польского народа. Ещё в период, предшествовавший мюнхенским событиям, польская компартия указывала народу на угрожающее международное положение Польши. Коммунисты подчёркивали, что над миром нависла угроза войны, развязываемой германским, итальянским и японским фашизмом при активном содействии англо-французских империалистов, что германский фашизм угрожает безопасности Франции, независимости Чехословакии и Польши, проводит вооружённую интервенцию в целях порабощения Испании, организует крестовый поход против Советского Союза. Польские коммунисты раскрывали польскому народу глаза на то, что при помощи Бека германский фашизм захватывает Гданск, чтобы превратить его в плацдарм против Польши, в ключ для порабощения польской республики, что капитулянтская политика санационных правительств, политика национальной измены, продиктованная польско-германским союзом, способствует осуществлению захватнических антипольских и антисоветских планов Гитлера.

Коммунисты настойчиво показывали польским трудящимся массам, что единственным эффективным средством защиты независимости Польши от гитлеровской Германии является борьба против санационного режима, отдающего Польшу в руки Гитлера, борьба за мир, за включение Польши в единый фронт миролюбивых государств под руководством Советского Союза. Коммунисты разоблачали предательскую политику реакционного руководства ППС и Стронництва людowego, поддерживавших клеветническую кампанию польской реакции, направленную против СССР.

В эти предвоенные годы польские коммунисты боролись за создание единого фронта польских рабочих и широкого народного фронта всех трудящихся, направленного против польского фашизма и реакции, против надвигающейся гитлеровской агрессии, за теснейшую дружбу и сотрудничество с СССР. Под этими лозунгами польскими коммунистами были организованы тысячи забастовок, демонстраций и других выступлений рабочих и крестьян.

³⁷ «Warszawski Dziennik Narodowy» от 22 апреля 1939 года.

В Первомайских шествиях и демонстрациях 1938 г. коммунисты в Варшаве, Лодзи, Силезско-Домбровском угольном бассейне и других центрах Польши, как и в предыдущие годы, демонстрировали под лозунгами борьбы против правительства Рыдз-Смиглы — Бека, борьбы против опасности гитлеровского нашествия, под лозунгами теснейшей дружбы с СССР. Под этими же лозунгами все преданные рабочему классу польские коммунисты продолжали свою работу и после ставшего необходимым роспуска коммунистической партии летом 1938 года.

И после роспуска партии польские коммунисты продолжали работу в этом духе в профессиональных союзах, на фабриках и заводах, среди безработных, среди трудящихся крестьян.

Знаменательным фактом, свидетельствующим об авангардной патриотической роли коммунистов, явилась замечательная кампания в защиту национальной независимости Польши, проведенная политическими заключёнными-коммунистами в польских тюрьмах.

Весной 1939 г. в Серадзе, Равиче, Фордоне и других тюрьмах Польши политические заключённые-коммунисты вручили администрации тюрем политические декларации, в которых содержалось требование решительного разрыва с политикой соглашения с Гитлером, защиты страны от угрозы гитлеровского нападения, заключения договора о взаимопомощи с Советским Союзом, установления демократического режима в Польше.

Политзаключённые-коммунисты требовали выпустить их на свободу с целью вступления в ряды польской армии для защиты страны от грозящего гитлеровского нашествия, требовали дать им возможность работать на фортификациях на западных границах Польши, шить одежду для армии и изготовлять противогазовые маски. Политзаключённые-коммунисты внесли демонстративно в фонд Народной обороны все присланные им семьями деньги.

Следует учесть, что в польских тюрьмах сидело тогда около 15 тыс. коммунистов, которые возглавляли антифашистские коллективы политзаключённых. Политическая декларация коммунистов серадзской тюрьмы была передана на свободу и стала достоянием широких масс. Она зачитывалась и одобрялась на собраниях рабочих Варшавы и других городов.

Антигитлеровская патриотическая позиция, занятая политзаключёнными-коммунистами, сыграла большую роль в мобилизации рабочего класса на борьбу с предательской политикой правительства. Однако естественно, что польские коммунисты, ещё не успевшие в течение 1938 — 1939 гг. возродить партию, не смогли в условиях зверского террора польского фашизма и предательской политики вождей ППС и Стронництва людового придать борьбе польских трудящихся такой размах и такую силу, которые были бы в состоянии сорвать политику национальной измены, проводимую санационным правительством при поддержке «оппозиционных» партий, и привести к низвержению фашистского правительства Польши.

В связи с захватом Чехословакии гитлеровцами массовое антинемецкое движение польского народа приняло невиданные в предшествующие годы размеры. Это вынуждено было признать даже германское министерство иностранных дел. В письме германскому послу в Варшаве от 27 марта 1939 г. оно указывало на пример десяти тысячной демонстрации в Быдгоще, участники которой (железнодорожники, работники связи и др.) провозглашали антигерманские и антигитлеровские лозунги. Германский консул в Познани заключал своё пространное донесение в Берлин о бурном росте антигерманского движения в Польше словами: «Враждебное отношение проникло до последней деревни»³⁸.

³⁸ «100 Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges», S. 237.

Антинемецкое движение сливалось с борьбой трудящихся против наступления буржуазно-помещичьего правительства и предпринимателей на жизненный уровень рабочих и служащих, который и без того был одним из самых нищенских в Европе. Росла инфляция³⁹. Число официально зарегистрированных безработных достигло к середине февраля 548 тыс. человек и продолжало расти с каждым днём. Фактически их было более 2,5 миллиона⁴⁰.

Борьба рабочих за сохранение работы и прожиточного минимума, антифашистские и антиправительственные настроения в рабочем классе приняли настолько внушительный характер, что руководитель профсоюзного объединения пилсудчиков старый агент охраны Морачевский, стараясь спасти свою организацию от полной дискредитации и развала, предпринял турне по стране, выступая перед рабочими в роли «противника режима». Так, выступая перед 450 рабочими на публичном собрании, организованном 26 марта во Львове профсоюзами пилсудчиков, Морачевский заявил, что Польше нужны новый парламент, «народное правительство и демократический строй». Попутно он превозносил заслуги Пилсудского и сделал выпад против И. В. Сталина. В этом месте его речи из зала раздались крики: «Долой нападки на Сталина, да здравствует СССР!». После Морачевского выступила работница, которая заявила, что Сталин «дал народу и массам рабочих свободу». «В этом месте, — говорится в полицейском донесении, — в зале раздались крики в честь И. В. Сталина и СССР»⁴¹. Собрание приняло резолюцию, отмечавшую германскую опасность для Польши, требовавшую изменения внешней политики, «смягчения общественных и хозяйственных противоречий», демократического парламента, политической амнистии и т. п. Из этого донесения видно, что даже в пилсудчиковских, жёлтых профсоюзах демагогическая, антисоветская затея Морачевского терпела крах. Из донесения видно также, как польские коммунисты после самороспуска компартии продолжали свою героическую работу в массах.

Революционизирование рабочего класса и крестьянства, непрерывное нарастание массового антиправительственного и антинемецкого движения в Польше после захвата Чехословакии немцами сделали положение «санации» более шатким, чем когда-либо раньше. Диктатура пилсудчиков удержалась в эти дни только потому, что руководство массовых «левых» партий приложило все старания, чтобы свернуть движение трудящихся с дороги революционной борьбы и поддержать колеблющийся буржуазно-помещичий строй.

Излагая 23 марта в «Robotnik» существо декларации, принятой ЦИК ППС в связи с политическим положением (текст декларации цензура не пропустила в печать), редактор газеты Недзялковский сводил содержание этого партийного документа к трём положениям: 1) задача национальной обороны становится главной; 2) необходимо правительство, «выходящее за рамки системы»; 3) необходимы новый избирательный закон и новые парламентские выборы.

Вместе с тем, безотносительно к выполнению этого пожелания, ППС обещала «санации» свою полную поддержку в вопросах «национальной обороны», к которым в создавшейся обстановке можно было отнести любые реакционные меры правительства в области внешней и внутренней политики. Именно сюда и отнесли лидеры ППС жизненно важные для рабочего класса и всей нации вопросы. Они полностью отказались от кри-

³⁹ К концу марта 1939 г. банкнотное обращение в стране возросло по сравнению с рекордным уровнем, достигнутым в дни «Мюнхена», ещё примерно на 120 млн. злотых (см. «Wiadomości Statystyczne» от 18 апреля 1939 года).

⁴⁰ «Правда» от 9 июня 1938 года. С середины 1938 г., как показывает официальная польская статистика, безработица только росла.

⁴¹ Спешное донесение № 71 Львовского воеводства от 27 марта 1939 г. (ЛОА, ф. 117, д. «Отдел общественной политики воеводства», 1939 г.).

тики внешней политики Бека и ещё больше усилили противодействие организованной стачечной борьбе рабочих за свои права.

В. И. Ленин в своё время дал замечательно глубокую и меткую характеристику деятельности правых социалистов из II Интернационала. Он писал, что «идейно-политическое содержание оппортунизма и социал-шовинизма одно и то же: сотрудничество классов вместо борьбы их, отказ от революционных средств борьбы, помощь «своему» правительству в затруднительном его положении вместо использования его затруднений для революции»⁴². Вся история довоенной ППС, в частности её поведение в описываемый критический для Польши период, является наилучшей иллюстрацией к этим бичующим ленинским словам.

Стремление к сотрудничеству с фашистским режимом «санации», шовинизм и империалистические тенденции — всё это у кулацких «верхов» людовской партии проявлялось ещё откровеннее, чем у правых пепезовцев, которых «социалистическая» форма и самая необходимость идейно обрабатывать наиболее сознательную часть трудящихся — рабочий класс — заставляли действовать более изощрённо. Резолюция Главного совета Стронництва людового от 15 января 1939 г. откровенно призывала крестьянство перед лицом создавшейся внешнеполитической обстановки отложить в сторону свои требования к режиму. Передовая часть людовцев на местах расценила «новый курс» Главного совета как предательство партии⁴³. Зато помещики открыто выразили своё одобрение резолюции руководства Стронництва людового. «Миколайчик и его товарищи», — писало «Słowo» 20 января 1939 г. по этому поводу, — не борются против помещиков и заслуживают полного доверия со стороны последних.

Разъясняя внешнюю политику крестьянской партии, один из её руководителей, Грушка, на собрании председателей уездных комитетов Львовской области 20 января 1939 г. «критиковал» министерство иностранных дел лишь за то, что оно «проиграло общую границу с Венгрией»⁴⁴. Характерно, что к этому же сводили «критику» Бека все неправительственные круги польского империализма.

После захвата Чехословакии Гитлером прислужничество лидеров Стронництва людового обанкротившейся клике Рыдза — Бека пошло ещё дальше. Руководитель партии Ратай 17 марта, отвечая на вопросы людовских делегатов Жешувского уезда о новой внешнеполитической ситуации, заявил, что «считает польскую внешнюю политику хорошей, но для Польши является несчастьем, что она окружена с трёх сторон Германией». На вопрос тех же делегатов (этот вопрос буквально повсеместно выдвигался рядовыми людовцами перед лидерами партии), «почему до сих пор не реализованы решения последнего съезда»⁴⁵, несмотря на категорические требования крестьян», Ратай лицемерно отвечал, что «руководствовался заботой о крестьянах», которых не хочет вовлекать в безнадежную борьбу». Он обещал, что организует «в текущем году...

⁴² В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 281. Изд. 4-е.

⁴³ См. бюллетень № 8 Краковского воеводства от 28 января 1939 г. о настроении среди людовцев Дембичского уезда (ЛОА, ф. 117, д. «Стронництво людове»).

⁴⁴ Бюллетень № 2 Львовского воеводства от 25 января 1939 г. (ЛОА, ф. 117, д. «Стронництво людове»). Соответственно установкам руководства, людовские инструкторы «освещали» положение на местах. Так, например, присланный Львовским комитетом Стронництва людового в Чернолозы докладчик 16 марта 1939 г., на другой день после захвата Чехословакии Гитлером, заявил крестьянам, «что Германия захватывает всё новые территории, а Польша, кроме Заользья, ничем больше не воспользовалась. Отсюда видна ошибочная политика нынешнего правительства». Бюллетень № 6 Тарнопольского воеводства от 20 апреля 1939 года (ЛОА, ф. 117, д. «Стронництво людове»).

⁴⁵ Речь идёт о решениях Краковского съезда Стронництва людового (1938), обязавших руководство этой партии организовать всеобщую стачку крестьян в союзе с рабочим классом Польши, чтобы добиться ликвидации фашистского режима и его прогитлеровской внешней политики.

мощную манифестацию с требованием изменения избирательного закона»⁴⁶.

Соглашательские, шовинистические и империалистические установки руководства Стронництва людowego вносили хаос и дезорганизацию в крестьянское движение, тем самым спасая фашистский режим пилсудчиков. Однако эти установки не находили поддержки в массе польского крестьянства.

Львовское воеводство сообщало министерству внутренних дел⁴⁷, что на людовских собраниях после 15 марта повсеместно остро критиковали внешнюю политику правительства, констатировали нависшую над Польшей непосредственную угрозу германской агрессии и с нетерпением ждали назначенного руководством партии дня 16 апреля, чтобы массовыми демонстрациями вырвать у правительства амнистию для Витоса⁴⁸ и изменение избирательного закона. Людовские собрания в большинстве случаев носили боевой характер. На этих собраниях принимались требования: «1) разрыва с фашизмом; 2) создания правительства национальной обороны во главе с Витосом; 3) роспуска сейма и сената; 4) немедленного проведения широких общественных реформ»⁴⁹.

Рядовые члены Стронництва людowego ещё верили, что руководство партии способно добиваться реализации этих решений и будет при этом опираться на крестьянские массы. Особенно много надежд возлагали людовцы на Витоса. С его возвращением в страну связывалось если не падение существующего режима, то начало эффективной борьбы с ним. Эта наивная вера отражала незрелость крестьянского движения в предвоенной Польше. Лишь постепенно, через горький опыт разочарований и поражений, познавало польское крестьянство предательскую сущность своих официальных лидеров.

Яркой картинкой «нового курса» реакционной верхушки Стронництва людowego явился так называемый съезд земледельцев Великопольши, собравшийся 26 марта в Познани. На этом съезде рядом с председательствующим Миколайчиком сидели представители союза помещиков во главе с своим лидером графом Бнинским. Съезд прошёл под знаком умирительного «патриотического» единения «крестьян» и помещиков. В принятой с одобрения земельных магнатов резолюции не содержалось, разумеется, и тени покушения на латифундии и привилегии помещиков.

В начале апреля Витос вернулся в Польшу. Он развеял иллюзии, которые польское крестьянство связывало с его приездом, объявив людовцам: «Мне безразлично, кто сегодня стоит во главе правительства. Кто бы он ни был, вы являетесь поляками и должны служить отечеству»⁵⁰.

Руководство Стронництва працы в связи с событиями середины марта заявляло, что «не желает в эту минуту подчёркивать ошибки внешней политики». Лидеры партии обращались к правительству, так же как пенезовцы и людовцы, с предложением привлечь к управлению страной все основные политические партии⁵¹.

В критический для Польши момент, весной 1939 г., правые социалисты были в одном ряду с кулацким руководством Стронництва людowego и реакционными буржуазно-помещичьими партиями. Эту истину отметил орган Стронництва працы, когда писал, полагая, что произносит великую похвалу польской «левице»: «Опасность оценили все одина-

⁴⁶ Бюллетень № 8 Львовского воеводства от 21 марта 1939 года (ЛЮА, ф. 117, д. «Стронництво людowe»).

⁴⁷ Бюллетень № 9 Львовского воеводства от 8 апреля 1939 г. (там же).

⁴⁸ Витос, считавшийся признанным «вождём» крестьянской партии, в своё время бежал из Польши, где санационный суд приговорил его к тюремному заключению.

⁴⁹ Из резолюции собрания 400 делегатов людовских организаций Тарнобурского уезда 19 марта 1939 г. (там же).

⁵⁰ «Wies i Państwo» № 7, июль 1939 г., стр. 562.

⁵¹ См. «Zwrot» № 12 от 26 марта 1939 года.

ково, спасительные средства указали одни и те же. В решениях Стронництва людowego нет ничего иного и ничего больше, чем то, что нашло своё выражение в постановлениях Стронництва narodowego, Стронництва pracy и Польской социалистической партии»⁵².

Правящие классы Польши хорошо понимали, что «оппозиция» не покушается всерьёз на их экономические и политические позиции. Вот почему часть польской буржуазии склонялась к тому, чтобы повторить опыт первых лет республики, когда социалисты и людовцы входили в правительство и не за страх, а за совесть служили правящим классам.

Однако правившие Польшей реакционнейшие круги — союз помещиков, союз промышленников, руководство католической церкви — отвергали этот вариант. Они не хотели разыгрывать спектакль сотрудничества даже с такими послушными лакеями, какими были лидеры «левых» польских партий. Хозяева панской Польши считали более целесообразным объединение двух основных фашистских партий, чтобы несколько расширить общественный базис правительства и укрепить его позиции против нараставшего недовольства трудящихся классов. За блок пилсудчиков с народовцами ратовали газеты помещиков, крупнокапиталистических и церковных кругов. Учитывая важность момента, кардинал Хлонд счёл необходимым выступить с особой политической декларацией, в которой говорилось, что перед лицом внешнеполитических событий «следует как можно скорее покончить с межпартийными раздорами, которые имеют не столько характер идейный, сколько личный, выражающийся в стремлении к монополизации власти»⁵³. Откровенно обращаясь к фашистским партиям, взывая к их благоразумию, резонно указывая на их «кровное родство», «отцы церкви» пытались собрать во едино реакционнейшие силы страны.

Санационная клика решила до последней возможности сохранять свою диктатуру и доказать правящим классам свою способность наилучшим образом обслуживать их интересы. Чтобы продемонстрировать «объединение общества» вокруг правительства, президент Мосьцицкий пригласил к себе лидеров политических партий и представителей некоторых других польских организаций и «знакомился с их взглядами на ситуацию»⁵⁴. 1 апреля в «Замок» прибыл кардинал Хлонд. В тот же день к президенту торжественно направились с пространным «меморандумом» пепезовские «водители» — Арцишевский, Пужак, Недзялковский и Топинек. Делегация, как восторженно сообщал 2 апреля «Robotnik», два часа беседовала с Мосьцицким о «главных государственных проблемах в атмосфере полного взаимного доверия». Президент предложил социалистам войти наряду с другими партиями в комитет по распространению займа ПВО. Восторг, который вызвало это предложение у правых социалистических лидеров, только подтверждал, что польские социал-фашисты были близнецами польского фашизма.

Руководители Стронництва людowego в это время также переживали дни, полные надежд на близкое участие в правительстве.

В расчётах руководящих кругов «левых» партий на «демократизацию» санационного режима большую роль играло сближение Польши с «демократической» Англией.

Оккупация Чехословакии немцами поставила англо-французских мюнхенцев в затруднительное положение. Измышляя новые манёвры в своей политике сговора с Гитлером для развязывания войны против СССР, Чемберлен начал разыгрывать перед возмущённой общественностью комедию «отказа» от уступок агрессорам. 31 марта Чемберлен сделал в английском парламенте шумевшее заявление о том, что Англия намерена защищать независимость Польши.

⁵² Там же.

⁵³ «Kurjer Polski» от 18 марта 1939 года.

⁵⁴ Там же, от 31 марта.

Дальнейшие события и дипломатические документы, захваченные светскими войсками при разгроме гитлеровской Германии, с исчерпывающей ясностью показали, что в 1939 г. англо-французские реакционеры меньше всего думали о защите Польши. Польша была нужна мюнхенцам как разменная монета, которая вместо потерянной Чехословакии должна была послужить платой Гитлеру за «окончательный» антисоветский сговор. Ныне документально подтверждено, что «правители Англии были готовы выдать Польшу на растерзание Гитлеру в то самое время, когда ещё не обсохли чернила, которыми были подписаны английские гарантии Польше»⁵⁵.

7 апреля было сообщено о достижении англо-польского соглашения о взаимопомощи. Правительственная пропаганда пилсудчиков, вчера ещё с умилением и торжеством описывавшая визиты Бека в Рим, Берлин и Берхтесгаден, вновь стала курить фимиам Беку, изображая соглашение с Англией «новым достижением» внешней политики правительства.

Теперь у «оппозиции» — от эндеко-фашистов до «социалистов» — не было даже видимости внешнеполитических разногласий с правительством. «Оппозиция» продолжала плестись в хвосте у пилсудчиков, ведя с ними никчёмную дискуссию, весьма напоминавшую спор двух персонажей из гоголевской комедии о том, кто первый сказал «э», т. е. высказывался за сближение с Западом⁵⁶.

Став в позу удачливого мастера внешнеполитических дел, «санация» заявила, что нет никаких оснований для изменения существующих в Польше порядков. Ссылаясь на чрезвычайные декреты Даладье, на ущемление буржуазно-демократических свобод в Англии, пилсудчики хвастали тем, что они проявили замечательную дальновидность, передав по конституции 1935 г. всю полноту власти президенту. Теперь «исторический опыт» доказывает, заявляли они, что не может быть речи о пересмотре польских конституционных порядков. Наоборот, пилсудчики требовали всеобщего признания «успехов» своей политики и угрожали суровой расправой тем, кто уклоняется от «гражданской и моральной мобилизации нации».

13 апреля министерство внутренних дел предписало воеводам «в связи с остающейся серьёзной международной ситуацией» не разрешать ППС, Стронництву людовому и Стронництву працы проведение манифестаций «в пользу изменения избирательного закона или под лозунгами, которые могут отрицательно влиять на единодушную и патриотическую позицию общества (требование создания правительства национального единства, помилования политических осуждённых и т. п.)»⁵⁷.

Лидеры «левых» партий, конечно, были разочарованы тем, что «санация» не торопится приглашать их к управлению страной и продолжает им грубо угрожать. Вместе с тем новая ситуация облегчала их положение. Ссылаясь на «остающуюся весьма напряжённой международной ситуацией» и на полицейские ограничения властей, руководство Стронництва людового сначала перенесло назначенные на 16 апреля крестьянские манифестации на 23 апреля, а затем и вовсе отменило их.

⁵⁵ «Фальсификаторы истории (историческая справка)», стр. 52.

⁵⁶ Соглашение Бека с Чемберленом выбило козыри из рук той части польской буржуазии, которая всегда ориентировалась на англо-французских империалистов. Представителем этой буржуазии выступала группа бывшего премьера Падеревского (так называемый «фронт Морж»), в которую входили генерал Сикорский, генерал Галлер, редактор газеты «Kurjer Warszawski» Стронски, Корфанты и др. Эта группа была связана с народовцами и особенно тесно — со Стронництвом працы. Поскольку англо-франко-американские империалисты на деле установили сотрудничество с фашистским блоком, «фронт Морж» всё время скатывался к практической поддержке прогитлеровской внешней политики, «санации». Буквально то же самое происходило с ППС и Стронництвом людовым.

⁵⁷ СОА, ф. 2, д. SPP-4(тй)39.

«С момента возвращения Витоса в страну, — сообщал келецкий воевода министерству внутренних дел⁵⁸, — и отсрочки назначенной на 23 апреля кампании собраний, направленных на изменение избирательного закона, политическая деятельность Стронництва людового на территории воеводства совершенно ослабела».

ППС также использовала ссылки на «международную ситуацию» и на «поворот» во внешней политике правительства для открытого свёртывания «оппозиционной» деятельности и для усиленного распространения социал-реформистских иллюзий. «Мы верим, — говорил деятелям лейбористской партии один из лидеров ППС, Станчик, вскоре после Бека посетивший Лондон, — что если судьба уберёжёт нас от несчастий войны, мы завоюем демократический избирательный закон и влияние всего общества на формирование нынешних и будущих судеб нашего отечества»⁵⁹.

Англо-польское сближение было использовано «левыми» партиями также и для «оправдания» в глазах трудящихся антисоветской политики. Правые людовцы и социалисты объявили, что обещания Чемберлена если не предотвратят войну, то, во всяком случае, далеко отсрочат её⁶⁰. Англо-французские обещания изображались надёжной и вполне достаточной гарантией польской безопасности в отличие от «подозрительной» и «загадочной» политики СССР⁶¹.

Чемберлен, несомненно, помог реакционнейшему, антисоветскому, прогитлеровскому правительству «санации» укрепиться у власти в кризисный период, весной 1939 г., и тем самым способствовал катастрофе польского государства.

Польские империалисты стремились использовать сближение с западными державами для примирения с Гитлером. Англо-французские гарантии в этом плане должны были послужить доказательством Гитлеру, что Польша не беззащитна, а потому выгоднее иметь её в качестве партнёра, чем противника.

Усиленно подчёркивая, что для Варшавы соглашение с Англией означает «полное сохранение прежней линии польской внешней политики и основ, на которые она до сих пор опиралась»⁶², пилсудчики преследовали не только и даже не столько полемические цели внутривнутриполитического характера: их заявления адресовались прежде всего Берлину. Эту двойную игру «санации» вела открыто, опираясь на негласную поддержку англо-французской дипломатии, с точки зрения которой создание действенного польско-германского союза, направленного исключительно против СССР, явилось бы наиболее желательным плодом выданных Польше «гарантий».

Обе партии польского фашизма обращались к Берлину через свою печать со слёзными посланиями, в которых упрекали Гитлера, что он вынудил их пойти на сближение с демократическими державами, что он оказался неблагодарным партнёром и т. д. Польские фашисты более чем прозрачно умоляли Гитлера отказаться от претензий к Польше и вновь принять её в число своих друзей по агрессии.

События, однако, показывали, что эти слёзные мольбы напрасны. Инспирируемая Гитлером антипольская кампания в Германии выросла до неописуемых размеров. Германская печать громко заговорила о необходимости присоединить Данциг к «райху», получить дороги через Коридор и т. п. Гитлеровская пропаганда уже не скрывала, что Польшу ожидает судьба Чехословакии.

⁵⁸ Бюллетень № 17 (39) от 2 мая 1939 г. (ЛОА, ф. 117, д. «Отдел общественной политики воеводства 1939 г.»).

⁵⁹ «Robotnik» от 14 апреля 1939 года.

⁶⁰ См. «Zielony Sztandar» от 9 апреля 1939 г. и «Robotnik» от 8 и 15 апреля.

⁶¹ См. «Robotnik» от 13 апреля 1939 года.

⁶² «Gazeta Polska» от 7 апреля 1939 года.

Не отставала от германских изданий и гитлеровская печать в самой Польше. Издатель «Deutsche Monatshefte in Polen» Каудер отозвался на англо-польское соглашение статьёй (№ 7 журнала), полной самых обнажённых и наглых угроз хозяевам страны. Он требовал, чтобы Польша немедленно «справедливо» и «конструктивно» разрешила у себя вопрос о «немецкой национальной группе», если она хочет «обеспечить прочность» своего государства.

19 апреля министерство внутренних дел сообщало воеводствам о переходе границы Польши группой гестаповцев, специально подготовленных для диверсионной работы среди немецкого и украинского населения Польши⁶³. Польское правительство в угоду Берлину делало всё возможное, чтобы подавить вызванный этими событиями рост антинемецкого движения в стране. Министерство внутренних дел подписало местным органам власти в связи с приближением первомайского праздника трудящихся «в зародыше и решительно ликвидировать» возможные в эти дни антинемецкие выступления⁶⁴.

Содержание исходивших от властей предмайских циркуляров со всей наглядностью свидетельствует о том, что для правящих классов Польши врагом оставались не гитлеровцы, а польские трудящиеся массы.

Категорически запрещая в 1939 г. проведение уличных первомайских демонстраций под предлогом «международной ситуации», не позволяющей заниматься внутриполитическими «раздорами и счётами», польские власти предлагали полиции в связи с предстоящими первомайскими собраниями трудящихся сосредоточить весь огонь против «коммунистов» и «коммунистических тенденций»⁶⁵.

Для господствующих классов Польши самым страшным представлялась перспектива возобновления в стране организованного коммунистического движения. Последнее, к их крайней тревоге, не умирало, несмотря на имевшие место во всех концах страны бесконечные массовые судебные процессы против коммунистов и жесточайшие приговоры судов. Полиция сообщала, что действующие в одиночку коммунисты используют муниципальные выборы для попыток снизу объединить пепезовцев и бундовцев в единый фронт, что кое-где коммунисты активизируются⁶⁶. С большим беспокойством сообщило министерство внутренних дел 19 апреля воеводам о появлении в Польше коммунистических «информационных бюллетеней», изданных «инициативной группой» в Париже⁶⁷. Растущая тревога правителей страны, их страх перед народом нашли отражение в инструкциях министерства внутренних дел, разосланных воеводам ко дню 1 Мая. «С особым ударением подчёркиваю, — писал львовский воевода полицейским начальникам, — необходимость решительного и немедленного реагирования на всякие выступления коммунистов»⁶⁸. Под «коммунистами» на общепринятом в системе министерства внутренних дел языке разумелись все, кто выступал дружелюбно

⁶³ СОА, ф. 2, д. РВ-1(тй)39.

⁶⁴ Из циркуляра Львовского воеводства от 24 апреля 1939 г. (ЛОА, ф. 2, д. РВ-1 (тй)39).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ См., например, полицейский обзор коммунистического движения в Станиславском уезде (СОА, ф. 69, с/39, л. 56).

⁶⁷ СОА, ф. 2, д. SPP-38(тй)39. В одном из донесений львовской полиции указывалось, что отрывки из этих бюллетеней размножаются уже местными коммунистами. В бюллетене № 1, как сообщало донесение, констатировалось, что коммунистическое движение в Польше выдержало испытание роспуска партии и возродится здоровым. Бюллетень № 2 призывал польский народ взять в свои руки судьбу отечества, создать правительство национального единства, опирающегося в защите страны на СССР, «как единственную силу, которая может спасти независимость Польши» (ЛОА, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 600). В современной польской коммунистической печати подтверждается, что в 1939 г. делались приготовления к тому, чтобы возродить КПП, но этому помешала война (см. «Nowe Drogi» № 12 за 1948 г., стр. 147).

⁶⁸ ЛОА, ф. 1, оп. 1, л. 12—13.

по отношению к СССР, кто звал на решительную борьбу с фашистским польским режимом или выступал с бичующей критикой по адресу правительства. Циркуляр специально подчёркивал, что правые социалисты не грешат такого рода «преступлениями», и предлагал полиции оказать эффективную помощь реакционному руководству социалистической партии в борьбе с левыми элементами, имеющимися в ППС. Отмечая приток членов распушенной компартии в социалистические и людовские организации, инструкция предлагала органам полиции «предостеречь представителей этих организаций перед указанной тактикой компартии». Так охранка «санации» сотрудничала с реакционными лидерами «левых» партий, предавшими интересы рабочего класса и крестьянства⁶⁹.

Между тем час разоблачения и краха польской реакции приближался. 28 апреля Гитлер выступил в рейхстаге с речью, которая знаменовала новый этап в развитии европейских событий и прежде всего в польско-германских отношениях, — этап непосредственной подготовки к войне.

Сообщив о тех требованиях, которые Германия предъявила Польше, Гитлер заявил, что соглашение Варшавы с Лондоном «противоречит соглашению, которое я в своё время заключил с Пилсудским», а потому договор о ненападении, заключённый с Польшей в январе 1934 г., следует считать «односторонне нарушенным Польшей и, таким образом, не существующим»⁷⁰. Одновременно Гитлер объявил расторгнутым англо-германский морской договор. «Лихорадочные усилия польского фашизма спасти при поддержке англо-французской дипломатии холопско-прогитлеровский курс своей внешней политики закончились полной неудачей. Пилсудчики и стоявшие за ними реакционнейшие классы, хозяйничавшие в Польше, оказались у разбитого корыта своей «дружбы» с германским империализмом. Но даже крах этой политики не положил предела стремлению польских империалистов во что бы то ни стало вновь сговориться с Гитлером на почве совместных антисоветских захватнических планов. Это стремление, поддерживаемое англо-французскими империалистами, определяло самоубийственную антисоветскую позицию, занятую пилсудчиками в связи с англо-франко-советскими переговорами о взаимопомощи летом 1939 года. В этих переговорах польское правительство пилсудчиков показало, что «оно опасается усиления Советского Союза больше, чем гитлеровской агрессии»⁷¹. Провал двойной антисоветской игры, которую вели мюнхенцы в связи с московскими переговорами, был вместе с тем окончательным крахом многолетних антисоветских происков правящих кругов послеверсальской Польши, происков, которые, как и следовало ожидать, привели страну к национальной катастрофе. Эта катастрофа, затем борьба польского народа с гитлеровскими оккупантами и их польскими пособниками, наконец, освобождение, которое Советская Армия принесла польскому народу, показали ему, где находятся подлинные друзья. Все усилия англо-американских империалистов возродить буржуазно-помещичью Польшу бесславно провалились. Не удалось вновь посадить на шею польским рабочим и крестьянам бывших буржуазно-помещичьих правителей и их агентов в рабоче-крестьянском движении, которые, продавая страну иностранным империалистам, принесли польскому народу только нищету, фашизм и, наконец, гитлеровское рабство.

Новая, демократическая Польша, опирающаяся на прочную дружбу с могучим Союзом Советских Социалистических Республик и странами народной демократии, навеки порвала с проклятым капиталистическим прошлым. Она уверенно идёт по пути к социализму.

⁶⁹ Как выяснилось на упомянутом выше варшавском процессе некоторых лидеров довоенной ППС, их сотрудничество с охранкой простиралось гораздо дальше, вплоть до получения оружия и субсидий от «санации» (см. «Głos Ludu» от 6—11 ноября 1948 г.).

⁷⁰ «100 Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges», S. 110—111.

⁷¹ «Фальсификаторы истории (историческая справка)», стр. 48.